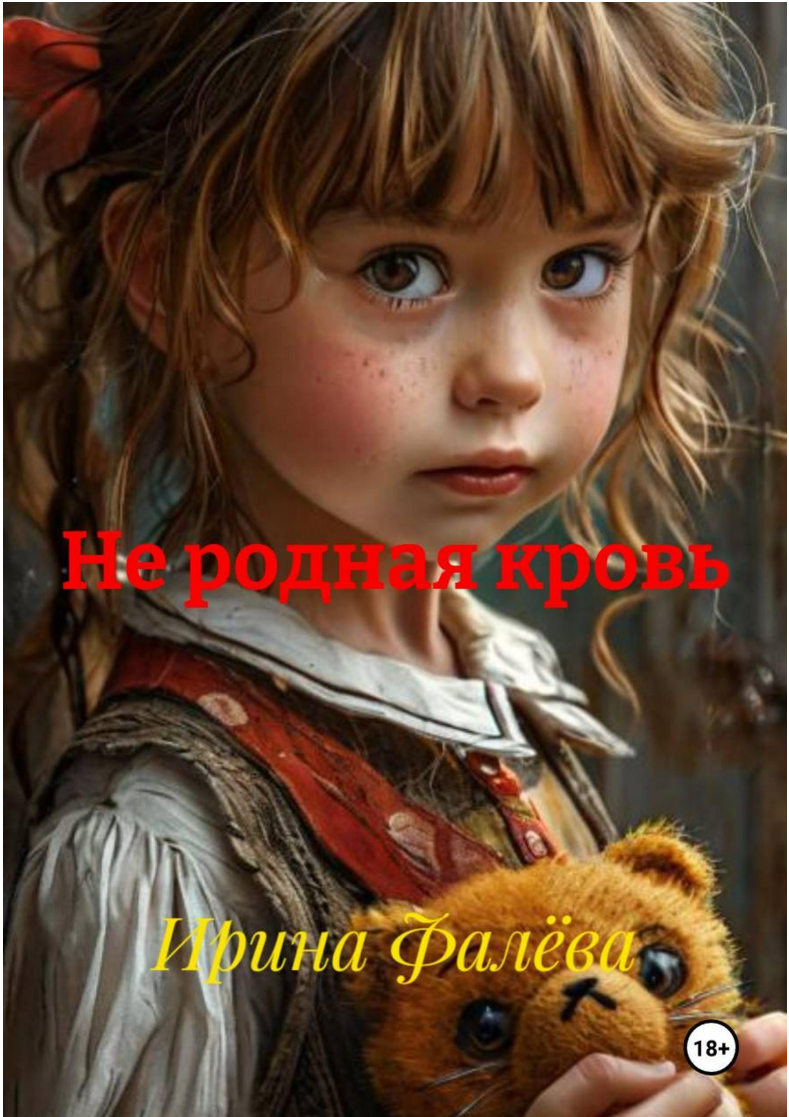
Не родная кровь
Ирина Фалёва
18+

# Ирина Фалёва
# Не родная кровь

*https://litres.ru/73474594*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Ане было шесть, когда мир раскололся надвое. Сначала — голодное детство с матерью-алкоголичкой, затем — страшная сцена разлуки с братом и сестрой. Пока сестра выбирала роскошь в семье богатой тёти, а брат выживал за решётками детдома, Аня прошла через ад: операцию на сердце, холодный расчёт мачехи и издевательства тех, кто называл себя «спасителями».

Она выжила, стала мастером-отделочником и верила, что встретила любовь. Но семейный уют обернулся новой клеткой: психологическим абьюзом, тотальным контролем и ледяной водой в чайнике вместо горячего душа. Пять лет Анна была тенью в собственном доме, пока однажды на детской площадке её сын не встретил человека, который обещал когда-то завязать ей шнурки.

Это история о том, как заживают самые глубокие шрамы, и о том, что настоящая семья — это не те, кто делит с тобой кров, а те, кто готов ради тебя разбить стекло.

# Содержание


От автора: 4
Глава 1. Вкус сухого молока 5
Глава 2. Белые коридоры и вкус железа 17
Глава 3. Потолок, который уходит в небо 21
Глава 4. Замок из серого камня 26
Глава 5. Стеклянный дом и ледяные руки 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

# Ирина Фалёва
# Не родная кровь

## От автора:

Эта книга — не просто выдуманная история. Это путь через тёмные коридоры человеческой души, где свет иногда гаснет на долгие годы.

**Внимание**: В произведении содержатся описания жестокого обращения с детьми, психологического насилия (абьюза) и тяжёлых жизненных условий. Если эти темы являются для вас болезненными, пожалуйста, читайте с осторожностью.

Эта история написана для тех, кто когда-то чувствовал себя одиноким против всего мира. Помните: даже в самой холодной воде можно найти силы, чтобы выплыть.

# Глава 1. Вкус сухого молока

Солнце в нашей квартире никогда не было ярким. Оно пробивалось сквозь грязные стёкла, засиженные мухами, и ложилось на пол кривыми желтоватыми пятнами. Я любила эти пятна. Если наступить в центр такого пятна босой пяткой, кажется, что пол чуть менее ледяной.

В это утро в животе было пусто и звонко, как в пустой кастрюле. Я проснулась первой. Оля спала рядом, зарывшись носом в подушку без наволочки. Подушка пахла пылью и Олиным потом. Моя сестра всегда потела во сне, когда ей снились плохие сны, а плохие сны снились нам часто.Я сползла с дивана. Пол скрипнул под ногами: «кхр-р-р». Я замерла. Если разбудить маму раньше времени, день будет чёрным. Чёрный день — это когда мама кричит, швыряет тапки и долго ищет что-то в шкафу, вываливая на пол наше скудное тряпьё.

Я на цыпочках пошла на кухню. Там, на подоконнике, стояла банка из-под майонеза, в которой Ваня прятал сокровища. Вчера там лежала корочка хлеба, густо посыпанная сахаром. Ваня сказал:

«Это тебе на утро, мелюзга, только не ешь сразу».

Я честно ждала утра.

На кухне было холодно. Окно было заклеено старыми полосками бумаги, но из щелей всё равно дуло. На столе стояла

пустая бутылка и блюдце с окурками. Окурки были похожи на маленьких белых червяков, которые задохнулись в сером пепле. Я брезгливо отодвинула блюдце краем ладошки.

Хлеба в банке не было. Зато в углу шкафа я нашла пачку сухого молока. Она была надрезана, края обросли липким налётом. Я засунула туда палец, облизнула его — сладко и мучнисто. Порошок прилип к нёбу. Это был мой завтрак.

— Анька? Ты чего там шуршишь? — раздался из коридора хриплый голос Вани.

Ваня вошёл, почёсывая лохматую голову. На нём были папины старые трико, которые он подвязывал верёвкой, чтобы не спадали. Ване было десять, но он казался мне очень старым и очень мудрым. Он знал, как починить кран, чтобы тот не капал всю ночь, и как уговорить соседку тётю Любу дать нам пару картошин.

— Молоко ем, — прошептала я, пряча пачку за спину. — Хочешь?

Ваня подошёл, заглянул в пачку и поморщился.— Оставь Ольге. Ей надо, она кашляет опять. Мама вставала?

— Нет. Спит ещё.

— Хорошо. Слушай, Ань, если дядя Коля придёт — сразу иди в шкаф. Поняла? Не сиди в комнате. Мы с Олей его отвлечём.

Я кивнула. Шкаф был моим убежищем. Там пахло старой кожей и нафталином, и там было темно. В темноте меня как будто не существовало, а если тебя не существует, то тебя

нельзя ударить или толкнуть.

В этот момент в большой комнате что-то грохнуло. Мы с Ваней замерли. Это был звук упавшего стула. А потом началось то, чего я боялась больше всего — мамин смех. Это был не весёлый смех, каким смеются люди в телевизоре. Это был хриплый, надсадный звук, который всегда заканчивался криком.

— Ваня-а-а! — закричала мама. — Где мои ключи? Опять спрятал, щенок?

Ваня выдохнул, расправил плечи и сделал шаг к двери.

— Сиди тут, — бросил он мне через плечо. — И не высовывайся.

Я залезла под стол. Скатерть с масляными пятнами свисала до самого пола, закрывая меня от мира. Я сидела там, обняв свои коленки, и слушала, как в комнате разгорается ссора. Мама кричала, что Ваня — обуза, что мы все — камни на её шее. Ваня молчал. Он всегда молчал, когда она на него кричала. Это злило её ещё больше.

Я закрыла глаза и начала представлять, что я — маленькая мышка. У мышки есть норка, в норке тепло, много зерна и нет никаких ключей, которые можно потерять.

«Тук-тук-тук» — вдруг раздалось в дверь. Это был не дядя Коля. Тот всегда пинал дверь ногой. Это был вежливый, настойчивый стук.

Мама сразу замолчала. В квартире стало так тихо, что я слышала, как за стеной у соседей работает телевизор.

— Опять эти... — прошипела мама. — Ваня, быстро убери бутылки! Оля, вставай, дрянь такая, постель заправь!

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Эти «вежливые» люди приходили уже три раза. И каждый раз после их ухода мама плакала и долго пила воду прямо из-под крана, а потом запирала нас на ключ и уходила на всю ночь.

Мама ушла в полдень. Она долго крутилась перед осколком зеркала в коридоре, мазала губы ярко-красной помадой, которая выходила за края и делала её рот похожим на свежую рану. Она не посмотрела на нас. Просто хлопнула дверью, и в замке дважды повернулся ключ. Клик-клик. Этот звук означал, что теперь мы — одни в пустой коробке нашей квартиры.

— Ну и ладно, — храбро сказала Оля, хотя у неё задрожал подбородок. — Без неё спокойнее. Ваня, пойдём играть в «магазин»?

Но играть не хотелось. Когда мама уходила в «хорошем» настроении, это всегда было тревожно. Это значило, что вечером она вернётся «другая» — с тяжёлыми шагами и чужими людьми.

К трём часам дня в животе начало ныть. Это была знакомая тянущая боль, будто внутри меня поселился маленький зверёк, который грыз рёбра.

— Ваня, я кушать хочу, — тихо сказала я.

Ваня сидел на подоконнике и смотрел во двор. На его затылке торчал смешной вихор, который мама называла «ан-

тенной». Он обернулся, и я увидела, какой он серый. Не грязный, а именно серый — от усталости, которая не должна быть у десятилетнего мальчика.

— Сейчас, Анька. Потерпи. Оля, глянь в кухонном столе, там в углу за заставкой должна была завалиться сушка. Я её вчера видел.

Мы втроём поползли на кухню. Поиск еды у нас всегда был похож на охоту. Мы отодвигали пустые кастрюли с липким дном, заглядывали за старые газеты, которыми были застелены полки. Оля нашла сморщенную луковицу и ту самую сушку. Сушка была серая от пыли и твёрдая, как железо.

Ваня бережно обдул её и разломил на три части. Мне досталась самая большая.

— Соси её, — посоветовал он. — Так дольше кажется, что ты сытая.

Я засунула кусок в рот. Она пахла старым деревом и почему-то маминими духами. Мы сидели на полу в кухне, прижавшись друг к другу спинами. Линолеум под нами был порван, и из дыры торчали нитки. Я начала их выковыривать, наматывая на палец.

— Ваня, а когда я вырасту, у меня будет целая коробка конфет? — спросила я. — Синих, с вафлей внутри?

— У тебя будет гора конфет, — твёрдо пообещал Ваня. — И платье с бантом. И новые сандалии, которые не жмут пятку.

Чтобы потянуть время, мы залезли на подоконник. Из на-

шего окна на пятом этаже мир казался игрушечным. Там, внизу, гуляли «чистые» дети. У них были яркие комбинезоны и пластмассовые лопатки.

— Смотрите, — Оля ткнула пальцем в стекло. — У той девочки кукла. С настоящими волосами.

Мы долго молча наблюдали за девочкой. Она бросила куклу в песочницу и побежала к маме. Её мама подхватила её на руки, закружила и что-то весело закричала.

— Почему она её не ругает? — удивилась я. — Кукла же в песке.

— Потому что это другая жизнь, Аня, — хмуро ответил Ваня. — Там не ругают за песок.

Он вдруг спрыгнул с подоконника и начал метаться по комнате. Он будто что-то чуял. Его ноздри раздувались.

— Так, — сказал он. — Оля, собирай вещи.— Какие вещи? Куда? — Оля испуганно округлила глаза.

— Не знаю. Просто собирай. В мешок сложи свои колготки, Анькину кофту тёплую. И мою сменку.

— Ваня, ты чего? Мама прит...

— Не придёт она сегодня трезвая! — сорвался он на крик, и мы с Олей втянули головы в плечи. — Я видел, как она с дядей Колей в магазин заходила. Оля, делай, что говорю!

Весь оставшийся вечер мы провели в странных сборах. У нас не было чемоданов. Был старый полиэтиленовый пакет, который уже протёрся на дне. Ваня запихивал туда наши вещи, а я пыталась спасти свою единственную ценность — об-

лезлого пластмассового зайца без одного уха.

— Зайца нельзя, места нет, — отрезал Ваня.

— Пожалуйста! — я прижала зайца к груди так сильно, что его острые лапки больно впились мне в кожу. — Он будет тихо сидеть. Он тоже хочет конфет с вафлей!

Ваня посмотрел на меня, и в его глазах что-то дрогнуло. Он молча выхватил пакет, выкинул оттуда свою запасную футболку и сунул туда моего зайца.

— Ладно. Но если нас будут обыскивать — скажешь, что нашла.

Мы сидели в темноте. Свет включать было нельзя — Ваня сказал, что «так нас не заметят с улицы». Мы сидели на узком диване, втроём под одним одеялом, и слушали, как капает кран на кухне. Кап... кап... кап...

Это были последние часы, когда мы были семьёй. Мы ещё не знали, что завтра придут люди в форме, что маму будут уводить, а она будет кричать страшные слова, от которых хочется оглохнуть. Мы не знали, что в коридоре детского распределителя нас расцепят: Ваню в одну сторону, нас с Олей — в другую.

Я уснула, уткнувшись носом в Ванюхино плечо. Оно пахло дешёвым мылом и надеждой. Это был последний раз в моей жизни, когда я чувствовала себя в безопасности.

Сон был тонким, как старая простыня. Мне снилось, что мы с Ваней и Олей идём по полю, где вместо травы растут огромные сахарные сушки. Но сон оборвался резким, желез-

ным звуком. Это не был стук. Это был грохот — так бьют в дверь люди, которые точно знают, что им обязаны открыть.

— Именем закона, открывайте! — мужской голос прорезал тишину нашей квартиры, как нож — мягкое масло.

Мы подпрыгнули на диване одновременно. Ваня вскочил первым. Он не стал зажигать свет, но в щелях штор уже брезжил серый, холодный рассвет. В этом свете его лицо казалось совсем белым, как мел.

— В шкаф! — скомандовал он шёпотом, хватая меня за плечо. — Аня, быстро!

Я не успела ничего понять. Оля прижала руки к лицу и замерла, её глаза были огромными и тёмными. Ваня буквально затолкнул меня в недра платяного шкафа, прямо на кучу старого тряпья.

— Не дыши, — выдохнул он, прикрывая дверцу.

Сквозь узкую щель я видела, как в коридоре зажёгся свет. Мама не открывала — замок просто вылетел с мясом, издав жалобный стон. В квартиру ворвался холод из подъезда и топот тяжёлых сапог.

— Опека, полиция. Где мать? — Голос был сухой и трескучий.

— Нет её, — голос Вани сорвался на высокой ноте. Он стоял посреди комнаты, заслоняя собой Олю. — Она в магазине. Скоро будет.

Я видела в щель, как в комнату вошла женщина в синем пальто. На её плече висела большая сумка, а в руках был

планшет с бумагами. Она обвела комнату взглядом. Её нос брезгливо сморщился, когда она посмотрела на наши тарелки на столе.

— В магазине, говоришь? В пять утра? — Она качнула головой. — Собирайтесь.

— Мы никуда не пойдём! — закричала Оля. Она вдруг бросилась к Ване и вцепилась в его кофту. — Мама сейчас придёт! Она принесёт хлеба!

Женщина в синем пальто не слушала. Она подошла к шкафу. Моё сердце заколотилось так сильно, что, казалось, оно сейчас выпрыгнет и само откроет дверцу.

— А это что у нас тут? — Она потянула за ручку.

Свет ударил мне в глаза. Я зажмурилась и сжалась в комок, прижимая к себе пакет с пластмассовым зайцем. Меня вытащили за руку. Рука у тёти была холодная и жёсткая, как резиновая перчатка.

— Вот и третья. Истощённая. Живо в машину!

То, что происходило дальше, осталось в моей памяти кадрами из старого, рваного кино.

Мы стояли у подъезда. Утро было злым и колючим. У дома стояли две машины: обычная легковая и белый микроавтобус с синей полосой.

— Ваня! — я рванулась к брату, но крепкие руки полицейского удержали меня за капюшон.

— Не положено, девочка. Старший едет в распределитель №2, там места есть. Мелких — в первую инфекционку на

обследование.

— Ваня, не отдавай меня! — закричала Оля. Она плакала в голос, размазывая слёзы по грязным щекам.

Я видела, как Ваню ведут к микроавтобусу. Он оборачивался, его губы дрожали, он что-то кричал нам, но шум мотора заглушал слова. В какой-то момент его рука вырвалась, он потянулся к нам, но дверь автобуса захлопнулась с тяжёлым, окончательным звуком: «Бам!»

Микроавтобус дёрнулся и уехал, оставляя в воздухе запах горького дыма. Моего брата больше не было рядом. Впервые за шесть лет между нами была стена.

Нас с Олей посадили в легковую машину. Оля не переставала плакать, она икала и прижималась ко мне. Но вдруг машина остановилась не у больницы. К нам подошла другая женщина — я узнала её. Это была тётя Наташа, папина сестра. Мы видели её всего два раза в жизни, мама всегда называла её «чистоплюйкой» и не пускала на порог.

Тётя Наташа была в красивом белом платке. Она посмотрела на нас с Олей, и в её глазах была не жалость, а какой-то странный расчёт.

— Ольгу я заберу, — сказала она женщине из опеки. — Документы на опекунство почти готовы. Она постарше, покрепче. Помогать будет.

— А младшую? Аню? — спросила женщина.

Тётя Наташа посмотрела на меня. Я стояла с этим дурацким пакетом, у меня из носа текло, а коленки дрожали.

— Младшая… — тётя Наташа замялась. — У неё грыжа, кажется. И сердце шумит. Мне больная не нужна, я её не вытяну. Пусть государство лечит.

Я не понимала слов «опекунство» или «государство». Я понимала только одно: Олю сейчас заберут.

— Оля! — я вцепилась в её руку.— Анечка, я скоро! Я приду за тобой! — Оля кричала, когда тётя Наташа буквально вырывала её из машины.

Машина тронулась. Я прижалась лицом к заднему стеклу. Оля стояла на тротуаре, её маленькая фигурка становилась всё меньше и меньше, пока не превратилась в крошечную точку.

Меня привезли в здание, где пахло хлоркой и болезнью. В больнице было слишком светло. От этого света болели глаза. Меня раздела чужая женщина, бросила мою одежду в мешок и надела на меня огромную, серую ночную рубашку, которая сползала с плеч.

— Ложись сюда, — сказала она, указывая на железную кровать с высокой сеткой. Кровать была похожа на клетку.

Я легла. На тумбочке стояла пустая кружка. Рядом не было ни Вани, чтобы погладить по голове, ни Оли, чтобы согреть спину. Был только пластмассовый заяц, которого мне чудом разрешили оставить после того, как побрызгали чем-то вонючим.

Я лежала и смотрела в потолок. За стеной кто-то плакал, но ко мне никто не подходил. В эту ночь я поняла: теперь

я совсем одна. И завтра мне будет больно, потому что врач сказал слово «операция». Но самое страшное было не это. Самое страшное было то, что я не знала, где сейчас Ваня и завяжет ли он мне когда-нибудь шнурки.

В животе снова заныл «зверёк» голода, но кормить меня не стали. Перед операцией было нельзя. Я обняла зайца и прошептала ему в единственное ухо:

— Потерпи, зайчик. Ваня найдёт нас. Он обещал гору конфет.Я закрыла глаза, и мне почудилось, что я всё ещё слышу скрип нашего старого дивана. Но это была всего лишь тишина огромной, холодной больницы.

# Глава 2. Белые коридоры и вкус железа

В больнице не было времени. Было только «до уколов» и «после каши». Стены здесь были выкрашены в жёлтый цвет, но не в тот тёплый жёлтый, как солнце, а в холодный, похожий на засохший лимон. От запаха хлорки постоянно чесалось в носу, а руки после казённого мыла становились шершавыми, как бумага.

В моей палате было ещё трое детей.

Мишка был самым шумным. У него на голове всегда была сеточка-бинт, из-за чего он казался похожим на странный гриб. Мишка постоянно ковырял подоконник и шептал, что у него в животе живёт «железный жук».

— Меня разрежут, жука вынут, и я улечу, — говорил он с гордостью.

Он не боялся операции. Он боялся только, что жука выкинут, а он хотел оставить его себе в банке.

Ещё была Катя. Она была совсем маленькая, года четыре. Катя почти не разговаривала. Она целыми днями сидела на кровати, раскачиваясь взад-вперед, и сосала большой палец. Её палец был весь сморщенный и белый от слюны. Когда к ней подходила медсестра, Катя зажмуривалась так сильно, что её лицо превращалось в один большой комок испуга.

И был Игорь. Игорь был старше нас, наверное, сверстник моей Оли. У него была сломана нога, которая лежала на специальном железном подвесе. Игорь был злой.

— Тебя никто не заберёт, — сказал он мне во второй день. — Раз привезли сюда без мамки, значит, ты ничейная. Нас всех тут на запчасти разберут.

Я тогда не знала, что такое «запчасти», но мне стало очень холодно. Я прижала своего пластмассового зайца к груди и отвернулась к стене.

На четвёртый день я решила, что должна найти Ваню. В моей голове всё было просто: если я выйду за дверь, я увижу ту самую дорогу, по которой уехал синий микроавтобус. Я пойду по её следу и обязательно найду брата. Он, наверное, сидит там и ждёт меня, а шнурки у него совсем развязались.

Я дождалась «тихого часа». Медсестра тётя Валя ушла на пост пить чай — оттуда доносился звон ложечки о стакан. Мишка сопел, Игорь читал какую-то рваную книжку, а Катя, как всегда, качалась.

Я сползла с кровати. Мои тапочки-шлёпанцы были слишком велики и противно шлёпали по линолеуму: шлёп-шлёп. Я сняла их и пошла босиком. Пол был ледяным, но это было даже хорошо — холод помогал не бояться.

Коридор казался бесконечным. Мимо проплывали закрытые двери, за которыми кто-то кашлял или стонал. Я дошла до тяжёлой стеклянной двери в конце этажа. На моё счастье, её забыли закрыть на замок. Я толкнула её плечом — она

поддалась со скрипом, который показался мне громче грома.

Лестница. Вниз, вниз, мимо плакатов с чистыми руками и страшными микробами. На первом этаже было много людей в куртках, но на маленькую девочку в серой ночнушке никто не смотрел. Все куда-то спешили.

Я толкнула входную дверь и... замерла.

Воздух! Он был не больничным. Он пах снегом, бензином и свободой. Я оказалась на крыльце. Огромный мир навалился на меня шумом машин и криками птиц. Я спустилась по ступенькам, чувствуя подошвами колкий асфальт и мелкие камушки.

Ворота были совсем рядом. Чёрные, железные, с острыми пиками. За ними — тротуар, по которому шли люди. Если я дойду до них, я стану как они. Я стану свободной.

Я уже почти коснулась рукой холодного железа ворот, когда солнце вдруг загородила огромная белая тень.

— Это куда же мы собрались, путешественница? — Голос был глубоким и строгим.

Я подняла голову. Передо мной стоял мужчина в ослепительно белом халате. Он казался мне великаном. Его лицо было серьёзным, а глаза за очками — холодными и усталыми. Это был главный хирург, которого все в отделении боялись больше всего.

— Мне к Ване... — прошептала я, чувствуя, как по щеке ползёт горячая слеза. — Мне надо шнурки... завязать.

Он не стал на меня кричать. Он просто протянул руку и

взял меня за ладошку. Его пальцы пахли спиртом и табаком.

— Ваня подождёт, Аня. Сначала нам нужно починить твоё сердце. Видишь, как оно колотится? Как пойманная птица.

Он поднял меня на руки. Халат был жёстким, накрахмаленным, и от него исходил такой холод, что я задрожала.

— Нам нельзя за ворота, — продолжал он, неся меня обратно к входу. — Там большой мир, а ты ещё слишком маленькая и сломанная. Мы тебя сначала склеим, а потом пойдёшь искать своего Ваню.

Он нёс меня через весь холл, и теперь все смотрели на нас. Мне было так стыдно и страшно, что я спрятала лицо у него на плече. Я поняла, что ворота — это не просто забор. Это граница, которую мне не перейти.

Когда он вернул меня в палату и сдал на руки испуганной медсестре, он обернулся в дверях.

— Завтра операция, Аня. Если будешь храброй, я разрешу тебе съесть два мороженых. Когда-нибудь.

Он ушёл, а я осталась сидеть на своей сетчатой кровати. Мишка смотрел на меня с уважением, а Игорь усмехнулся:

— Я же говорил. Отсюда только через операционную выходят.

Вечером пришла санитарка и забрала моего зайца — «на прожарку», чтобы убить микробов. Я осталась совсем одна, без защиты, в темноте, которая пахла наркозом и страхом. Завтра меня должны были «чинить».

# Глава 3. Потолок, который уходит в небо

Утро началось не с каши. Утро началось с того, что пришла строгая медсестра в хрустящем халате и сказала:

«Раздевайся догола, Анечка. Будем делать из тебя космонавта».

Она принесла белую рубашку, такую длинную, что я в ней запуталась. Рукава свисали, как пустые макаронины. Игорь смотрел на меня со своей кровати, и в его взгляде уже не было злости — только какая-то тихая, взрослая жалость. Он молчал, и это было страшнее всего. Даже Мишка перестал ковырять подоконник и замер, прижав к груди своего воображаемого жука.

— Не бойся, — шепнул Мишка, когда меня укладывали на высокую металлическую кровать с колёсиками. — Там, в операционной, лампы как солнышки. Тепло будет.

Но тепло не было. Было очень холодно.

Меня накрыли тонкой простынёй. Колёса каталки застучали по линолеуму: тык-дык, тык-дык. Этот звук теперь жил у меня в ушах. Я лежала на спине и видела только потолок.

Потолок был странный. Сначала он был жёлтый, с трещинами, похожими на ветки деревьев. Потом пошли длинные лампы — они вспыхивали над глазами, как молнии: вжик,

вжик. Я закрывала глаза, но свет пробивался сквозь веки розовым туманом.

Мы ехали мимо поста медсестры, мимо палат, откуда доносились запахи лекарств и хлорки. Я чувствовала, как каталку потряхивает на порогах. Каждый такой толчок отдавался в животе колючим страхом.

— Тётенька, а Ваня знает, где я? — тихо спросила я медсестру, которая толкала каталку.

— Все знают, деточка, все знают. Спи давай, — ответила она голосом, в котором не было ни капли правды.

Мы заехали в лифт. Двери закрылись со скрежетом, и у меня заложило уши. Казалось, мы проваливаемся под землю, в самое логово железных чудовищ. А когда двери открылись, запах изменился. Здесь пахло не едой и не мылом. Здесь пахло... металлом. Холодным, острым, злым металлом.

Меня ввезли в огромный зал. Он был таким белым, что казалось, будто я попала внутрь облака. Но это было злое облако.

Лампы над столом действительно были похожи на огромные подсолнухи, только лепестки у них были из зеркал. В этих зеркалах я увидела своё отражение — маленькое, бледное лицо с испуганными глазами и растрёпанными волосами.

Вокруг стола ходили люди. Их лиц не было видно — только глаза над зелёными масками. Они не разговаривали, они

обменивались короткими звуками, похожими на щелчки.

— Ну что, Аня, пришла чиниться? — раздался знакомый голос.

Это был тот самый врач-великан из сада. Его глаза за очками улыбались, но руки в резиновых перчатках уже что-то готовили на столике.

Меня переложили на узкий стол. Он был ледяной. Я попыталась сжаться в комок, но чьи-то мягкие, но сильные руки расправили мои плечи.

— Сейчас мы дадим тебе волшебный сон, — сказала женщина в зелёном колпаке. — В этом сне ты увидишь всё, что захочешь. О чём ты мечтаешь?

Я зажмурилась.— Я хочу к Ване. И чтобы мама не кричала. И чтобы сушки были мягкие...

На лицо мне надели прозрачную маску. Она пахла чем-то сладким и одновременно противным, как гнилые яблоки.

— Дыши глубже, Анечка. Считай пылинки. Раз... два... три...

Сначала потолок начал кружиться. Лампы-подсолнухи слились в одно огромное огненное колесо. Звуки стали ватными, будто я ушла под воду. Я слышала своё сердце: тук... тук... тук... Оно билось всё медленнее, как будто устало бежать.

Я почувствовала, как по руке потекло что-то холодное — это вставили иголку. Но боли не было. Было только ощущение, что я становлюсь прозрачной.

«Ваня...» — хотела позвать я, но губы не послушались.

Мир схлопнулся в одну чёрную точку. Последнее, что я запомнила — это холодная рука хирурга, которая на секунду легла мне на лоб. А потом наступила пустота. В этой пустоте не было ни Оли, ни мамы, ни боли. Там была только тишина, глубокая, как колодец, в который я падала и падала, не надеясь когда-либо приземлиться.

Когда я открыла глаза, мир был другим. Он был красным от боли. Боль была везде — она жгла грудную клетку, она мешала дышать, она пульсировала в висках.

Я попыталась пошевелиться, но руки были привязаны к кровати длинными белыми полосками ткани. Во рту было сухо, как в пустыне, а на языке — вкус железа.

— Очнулась, — прошептал кто-то рядом.

Я повернула голову. Рядом с моей кроватью сидела незнакомая женщина. На ней был дорогой бежевый свитер, а волосы были уложены в аккуратную прическу. Она не была похожа на медсестру. Она пахла дорогими духами — ландышами и чем-то сладким.

Она улыбнулась мне. Эта улыбка была слишком ровной, слишком правильной.

— Привет, Анечка. Я — тётя Маргарита. Я принесла тебе сок и апельсины. Ты теперь будешь поправляться.

Я смотрела на неё и не понимала: кто это? Где Ваня? Почему эта чужая тётя сидит там, где должен сидеть мой брат?

— А где мой заяц? — прохрипела я. Голос был чужим,

сорванным.

— Заяц старый и грязный, деточка, — ласково сказала она, но в глазах мелькнуло что-то холодное, как лезвие скальпеля. — Мы купим тебе новую куклу. Настоящую. Большую. Если будешь вести себя хорошо.

Она протянула руку и погладила меня по щеке. Её пальцы были тёплыми, но я почему-то вздрогнула. В этот момент я ещё не знала, что эта женщина с запахом ландышей станет моим самым страшным кошмаром. Что куклу я так и не получу, а за каждое «плохое» слово меня будут запирать в тёмном подвале её большого, красивого дома.

Я закрыла глаза, пытаясь вернуться в тот наркозный сон, где был Ваня. Но сон ушёл. Осталась только боль в груди и эта женщина, которая смотрела на меня, как на новую, ещё не совсем чистую игрушку.

# Глава 4. Замок из серого камня

Больница закончилась внезапно. Тётя Маргарита, которая сидела у моей кровати с апельсинами, куда-то исчезла. Позже я узнала, что она просто «присматривалась» к детям, как выбирают товар на полке, но в тот день за мной приехала хмурая женщина в сером плаще.

— Поехали, Иванова. Хватит казённые койки занимать, — бросила она, запихивая мои скудные вещи в тот самый рваный пакет.

Меня везли долго. Машина подпрыгивала на ухабах, и каждый толчок отдавался острой, режущей болью в груди, там, где под бинтами прятался свежий шрам. Шрам чесался и тянул, будто кожа стала мне мала.

Детский дом №4 встретил меня запахом варёной капусты и хозяйственного мыла. Это был огромный дом из серого кирпича с высокими заборами. Окна здесь казались глазами, которые разучились моргать.

Меня привели в группу. Там было много детей, все в одинаковых колючих колготках и застиранных майках. Они не бегали и не кричали, как дети во дворе нашего старого дома. Они сидели на корточках вдоль стены или качались на стульях, глядя в пустоту.

— Вот вам новенькая, — сказала воспитательница, толкая меня в спину. — Зовут Аня. Место сорок два.

У меня больше не было имени «Анечка». У меня было «место сорок два». Это была узкая кровать в огромной спальне, где стояло ещё двадцать таких же. На тумбочке не разрешали держать ничего. Моего пластмассового зайца отобрали ещё на входе — «не положено, инфекция».

Я села на край кровати и сжала кулаки. В горле стоял горький ком. Где Оля? Где Ваня? В этом огромном доме я чувствовала себя пылинкой, которую сейчас смахнут.

Прошло три дня. Эти дни были серыми, как овсянка на завтрак. Нас водили строем в столовую, строем на прогулку, строем в туалет. Я всё время оглядывалась, надеясь увидеть знакомый вихор на затылке или услышать хрипловатый голос брата. Но группы были разделены: маленькие отдельно, старшие отдельно.

На четвёртый день нас вывели на общую прогулку во внутренний двор. Двор был засыпан мелким гравием, который больно колол ноги сквозь тонкие сандалии.

— Анька! — вдруг донеслось откуда-то издалека.

Голос был тихий, почти шёпот, но я бы узнала его из тысячи. Я замерла. У забора, который отделял «малышню» от «старшаков», стоял мальчик. Он сильно похудел, его скулы стали острыми, а волосы были сострижены почти под ноль — остался только короткий ёжик.

— Ваня! — я рванулась к нему, но воспитательница рявкнула:

— Иванова, стоять! Не положено к старшим!

Я не слышала её. Я бежала, захлёбываясь холодным воздухом, чувствуя, как внутри что-то тянет и горит. Я добежала до сетки-рабицы и вцепилась в неё пальцами.

Ваня стоял с той стороны. Он просунул свои длинные пальцы сквозь ячейки сетки и коснулся моих рук. Его кожа была шершавой и холодной.

— Тише, мелюзга, тише... — шептал он, и я видела, как в его глазах стоят слёзы, которые он изо всех сил старается не выпустить.

— Ты как? Живая?

— Больно, Ваня... Грудь болит. И зайца забрали. Зачем мы тут? Где Оля?

Ваня помрачнел. Он оглянулся — не видит ли нас надзиратель.

— Ольгу тётка Наташа забрала. Совсем. Нас к ней не пустят, Ань. Она сказала, что мы «испорченные».

Я зарыдала, прижавшись лбом к железной сетке. Она пахла ржавчиной и кровью.

— Забери меня отсюда, Ваня! Давай убежим! К маме!

Брат прижал свою ладонь к моей щеке сквозь железо.

— Нет больше мамы, Ань. Её прав лишили. Совсем нет. Понимаешь? Теперь только мы с тобой. Слушай меня внимательно: я найду способ. Я вырасту и заберу тебя. Слышишь? Только ты не плачь. И не верь им. Никому не верь.

— Иванова! Отойди от забора! — воспитательница уже шла к нам, размахивая тяжёлой связкой ключей.

Ваня резко отдёрнул руку.

— Я люблю тебя, мелкая! Помни про конфеты!

Он развернулся и побежал к своей группе, скрываясь за углом серого здания. А я осталась стоять у забора, кусая губы, чтобы не закричать. На моих пальцах остались глубокие следы от сетки — красные ромбики, которые горели, как клеймо.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Я лежала на «месте сорок два» и смотрела, как луна освещает ровные ряды кроватей. Где-то в другом крыле спал Ваня. Где-то в чужом, богатом доме спала Оля. А я была здесь, в ловушке.

Я нащупала под подушкой кусочек сухаря, который спрятала в обед. Он был каменным, но я начала его сосать, как учил Ваня. Вкус хлеба и слюны успокаивал.

Я не знала, что через неделю за мной снова придёт тётя Маргарита. Что она принесёт красивое платье в горошек и скажет директору:

«Мне нужна именно эта девочка, у неё такое покорное лицо».

Я не знала, что Ваня будет бросаться на охранников, когда меня будут уводить в её машину, и что его за это закроют в изоляторе.

Я просто лежала и думала:

«Ваня обещал. Значит, он придёт».

# Глава 5. Стеклянный дом и ледяные руки

День, когда меня забирали, был солнечным, но для меня он стал самым тёмным. Маргарита Степановна приехала на большой чёрной машине, которая блестела так сильно, что в её дверце я увидела своё испуганное отражение.

На ней было светло-серое пальто, и она ни разу не коснулась перил или дверных ручек голыми руками — только в тонких кожаных перчатках.

— Пойдём, Аня, — сказала она, и её голос был как шелест сухой бумаги. — Теперь у тебя будет настоящий дом. Чистый дом.

Я обернулась. В окне второго этажа я увидела Ваню. Он прижался лбом к стеклу и бил по нему кулаком, но звука не было слышно. Его лицо было искажено криком, который застревал в толстых стёклах детдома. Охранник оттащил его назад, и Ваня исчез в темноте коридора. Это был последний раз, когда я видела своего брата на долгие годы.

Дом Маргариты Степановны находился за городом. Он был огромным, белым и пах ландышами и чем-то кислым — лимонным средством для мытья полов. Когда мы вошли, я замерла на пороге. Пол был из белого мрамора, такого гладкого, что я поскользнулась в своих казённых тапочках.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.